

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПОВЕСТИ В. П. АВЕНАРИУСА «ПЕРВЫЙ ВЫЛЕТ. ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ИНСТИТУТКИ»

В. А. Филатова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»,
ул. Рудакова, 25, 284626, г. Горловка, ДНР, Россия, vafilatova@mail.ru*

На материале повести «Первый вылет. Путевой дневник институтки» В. П. Авенариуса, написанной в форме дневника в самом начале XX века, от лица пятнадцатилетней девушки, которая впервые отправляется в путешествие с семьей за границу, рассматривается ее восприятие мира, взросление, переосмысление понятий «свой – чужой». В статье доказывается, что если в начале повествования «чужое» вызывает у нее интерес и восторг, то к окончанию путешествия она утверждает в мысли, что «свое» – это самое главное и дорогое в жизни. Дихотомия «свой – чужой» рассматривается на примере ее отношения к природе, достопримечательностям, людям и человеческим ценностям.

Ключевые слова: детская литература; путевой дневник; «свой – чужой»; путешествие; противопоставление.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КАТЕГОРІЙ «СВОЙ – ЧУЖИЙ» У ПОВІСТІ В. П. АВЕНАРІУСА «ПЕРВЫЙ ВЫЛЕТ. ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ІНСТИТУТКИ»

В. А. Філатова

*Кандидат філологічних наук, доцент,
Федеральна державна бюджетна наукова установа вищої освіти
«Донецький державний педагогічний університет ім. В. Шаталова»,
вул. Рудакова, 25, 284626, г. Горлівка, ДНР, Росія, vafilatova@mail.ru*

На матеріалі повісті «Первый вылет. Путевой дневник институтки» В. П. Авенаріуса, написаної у формі щоденника у самому початку XX століття, від особи п'ятнадцятирічної дівчини, яка вперше відправляється в подорож з родиною за межі, розглядається її сприйняття світу, дорослішання, переосмислення понять «свой – чужий». У статті доводиться, що коли на початку оповідання «чужое» викликає у неї інтерес і захоплення, то до закінчення подорожі вона стверджує в думці, що «своє» – це саме головне і дороге у житті. Дихотомія «свой – чужий» розглядається на прикладі її відносин до природи, славетностей, людей і людських цінностей.

Ключаві слова: дитяча література; шляховий щоденник; «свой – чужий»; подорож; суперечливість.

THE SPECIFICS OF REPRESENTATING THE CATEGORY «FRIEND OR FOE» IN THE BOOK «THE FIRST FLIGHT. A BOARDING SCHOOL GIRL'S TRAVEL DIARY» BY V. P. AVENARIUS

V. A. Filatova

*PhD, Ass. Professor,
Federal State Budgetary Scientific Institution of Higher Education
«Donetsk State Pedagogical University of V. Shatalov»,
25 Rudakova Str., 220030, Gorlovka, DPR, Russia, vafilatova@mail.ru*

In the article, based on the story «The First Flight. A Boarding Schoolgirl's Travel Diary» by V. P. Avenarius, written in the form of a diary at the very beginning of the 20th century, from the perspective of a fifteen-year-old girl who goes on her first trip abroad with her family, examines her perception of the world, growing up, and rethinking the concepts of «friend or foe». The article proves that if at the beginning of the story the category of «foe» arouses her interest and delight, then by the end of the journey, she is convinced that the category of «friend» is the most important and precious thing in life. The dichotomy of «friend or foe» is examined using the example of her attitude toward nature, landmarks, people, and human values.

Keywords: children's literature; travel diary; «friend or foe»; travel; opposition.

Василий (Вильгельм) Петрович Авенариус (1839–1923) не был профессиональным писателем, но во второй половине XIX – начале XX века он написал значительное количество разножанровых произведений для детей и юношества, чем внёс значительный вклад в развитие детской литературы. Родился и вырос он в семье лютеранского священника (дед по материнской линии тоже был пастором в лютеранской церкви). После окончания гимназии в Санкт-Петербурге он продолжил обучение на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. По окончании его прошел стажировку в Германии, но не нашел работу по специальности в родном городе и решил попробовать себя на государственном поприще, где и сделал успешную карьеру. Вместе с тем В. П. Авенариус пытался найти своё место в литературе и со временем добился признанного успеха. Он дебютировал как поэт, но его стихи, как и первые прозаические произведения, не были приняты читателями и критикой. Тогда В. П. Авенариус стал писать для детей: вначале он обрабатывал народные сказки, затем стал писать свои. В его наследии – биографические очерки, повести, рассказы, исторические и фантастические повести, баллады, сказки-поэмы, рассказы для детей.

«Первый вылет: Путевой дневник институтки» вышел в 1902 году в издании книжного магазина В. П. Луковникова, но до этого он печатался в журнале «Родник» под названием «В чужих краях», о чем предупреждается на обратной стороне титульной страницы (год публикации не указан).

Автор дневника – пятнадцатилетняя девушка Наташа, которую все называют Тавочка. Во время летних каникул она уезжает на поезде вместе с братом Левой и кузиной Жюли из Петербурга, чтобы встретиться с матерью и провести каникулы в немецком курортном городе. Дневник она начинает вести по совету классной наставницы. Он охватывает период с 5 июня по 15 августа, год не указан, но из беседы молодых людей с иностранцем, в которой упоминается недавнее празднование столетия со дня рождения А. С. Пушкина, время путешествия приблизительно понятно.

Путевой дневник – это записи, которые ведут во время путешествия; в нем фиксируется не только маршрут поездки, описываются места и достопримечательности, но также сохраняются эмоции и впечатления от увиденного или пережитого. Форма путевого дневника как нельзя лучше помогает отразить категорию «свой – чужой».

Дихотомия «свой – чужой», являясь сложным и многогранным понятием, определяет восприятие мира и окружающих человека людей. В повести ярко прослеживается «свой» мир купчихи Анфисы Гавриловны, с которой молодые люди познакомились в начале своего путешествия, и «свой» мир Варвары Семеновны, институтской наставницы Тавочки, но они служат фоном для того, чтобы отразить, подчеркнуть, выделить познание «своего» и «чужого» пятнадцатилетней девушки, которая и ведёт дневник.

Купчиха Анфиса Гавриловна не доверяла ни немецкой кухне («эта немчура еще как-то вас кормить станет?» [1, с. 12]), ни английским пластырям, предпочитая лечить порез, возникший у нее из-за острого немецкого ножа, народными методами – паутинкой [1, с. 71]. Во время осмотра музея она могла уснуть, найдя для себя удобное место, но чувствовала себя «совершенно довольной» у себя в номере «за своим самоварчиком», который всегда возила с собой [1, с. 34].

«Своим» Варвара Семеновна называла «наш маленький институтский мирок», который для нее с детства «был совершенно отдельным центром в огромном Божьем мире» [1, с. 193]. Вся ее жизнь прошла в стенах учебного заведения, где она выросла от кофульки (т. е. воспитанницы младших, кофейных классов, названных так по цвету платьев) до строгой учительницы.

«Первый вылет» – это действительно первый опыт выхода за пределы «своего», привычного, родного мира и знакомство с миром «чужих», незнакомых и таинственных. Первое сравнение, зафиксированное в тексте дневника, отражено в оглавлении. Оно противопоставляет две точки маршрута, две столицы: «От Петербурга до Берлина». Далее в дневнике сопоставляются разные уровни человеческих отношений и укладов жизни, сравнивается природа, города и достопримечательности, погода, быт людей.

Описание родной природы приводится в первой записи дневника, когда они только отъехали от Петербурга, и Тавочка рассматривала местность через открытое окно, «ничего не думая, бессмысленно, но с таким удовольствием!» [1, с. 13]. Чувства, которые испытывает она, наблюдая за пасущимся стадом коров, за играющими детьми, выражены словами: «Сейчас бы, кажется, выскочила из вагона и побежала, куда глаза глядят; рвала бы цветы, прыгала бы через кочки и канавы, а запыхавшись, прилегла бы в траву...» [1, с. 13].

Первое знакомство с немецким пейзажем вызывает у девушки восторг. Она пишет: «Я глядела и не могла наглядеться; от самой границы все разом, как в сказке, переменялось: лес – загляденье: каждое дерево – на выставку; поля зеленеют так, что любо; около домов фруктовые сады с каменными оградами; даже в деревнях не простые избы, а чистенькие, хорошенькие домики...» [1, с. 21]. Продолжая восхищаться прочными, увитыми зеленью стенами и аккуратными крышами, покрытыми черепицею, она задается вопросом: почему аисты на крыше всегда на одной ножке, на которой сама же и выдвигает предположение: «Верно, такая уж немецкая мода» [1, с. 21].

Чувство восторга вызывает вид озера в центральной части Швейцарии («Что за прелесть – это Фирвальдштетское озеро, светло-бирюзовое и точно атласное!» [1, с. 88]), дома (среди которых «игрушечные домики», «прехорошенькие виллы», пятиэтажные отели [1, с. 94]), сияние Альп («что это за роскошь! Как только зашло солнце, горы вспыхнули нежным розовым заревом; оно точно таяло; вот чуть-чуть только светятся самые верхушки; но и те гаснут...» [1, с. 134]). Такие же эмоции испытывает девушка и в Италии: «Кажется, красивее и ждать нечего; но, прибыв в Менаджио на озере Комо, мы от вида этого озера пришли, по выражению Левы, в “телячий” восторг» [1, с. 161]. Италия называется «милой», а путешествие по ней – «точно волшебный сон, который никогда не забудется» [1, с. 172].

Наряду с восхищением и восторгом, всегда есть то, что портит впечатление от происходящего. Это может быть «волчий голод», москиты или невыносимая жара. Но главная проблема возникает тогда, когда друзья и родные уезжают, а они остаются вдвоем с мамой («Но здесь без них, Боже, какая пустота и тоска!» [1, с. 202]). Прекрасные места, которые вызвали столько эмоций, теряют свою привлекательность («Грустно ли мне уезжать отсюда? И да, и нет. Вся эта мирная, идиллическая жизнь стала для меня чем-то таким естественным, как здоровая еда, как свежий воздух. Но без тех людей, которые одушевляли эту идиллию, она потеряла уже для меня половину своей прелести» [1, с. 202]).

Сравнивает Тавочка и русские достопримечательности, которые, по ее мнению, уступают заграничным по масштабу и красоте. Например, она пишет: «Была я раз у нас в Петербурге в зоологическом саду, но какое же сравнение с берлинским! Здесь настоящий парк, где можно заблудиться, а зверям живется, наверное, лучше, чем многим-многим людям» [1, с. 41]. Не выдерживает сравнения и Эрмитаж, потому что в Старом музее в Берлине больше знаменитых картин и статуй [1, с. 47]. А бульвар Унтер-ден-Линден (в переводе – «под липами») шире, по мнению девушки, чем Невский проспект. И очень «выигрывает улица», когда она обсажена деревьями, особенно в четыре ряда. «Хорошо, – пишет девушка, – что теперь и у нас, в Петербурге, начинают обсаживать улицы деревьями; но когда-то еще они достигнут такой гущины!» [1, с. 28].

Одним из основных проявлений понятия «свой – чужой» является противопоставление по национальному признаку. Откровением для Тавочки становится национальная вражда, которая, как она пишет, «овцу обращает в тигра» [1, с. 130].

Называя в начале путешествия по Германии немцев, проживающих там, «прусаками», она не представляла, насколько уничижительно будет звучать это слово из уст

их нового знакомого из Вены, который о себе сказал, что он немец, «но не пруссак», потому что «у австрийцев с пруссаками не может быть ничего общего» [1, с. 29, с. 128].

Англичан, которые везде, куда ни пойдешь, «как бельмо на глазу», она называет «несносными» [1, с. 90]. Эмоционально, используя восклицательные предложения, описывает она девушек-англичанок, которые появляются в отеле разряженными «как на званый вечер» и оглядывают их с головы до ног с холодностью и пренебрежением. Мужчины-англичане также «преважно» устраиваются в креслах в вестибюле, чтобы прочитать газеты, и после этого «для них вообще никто уже не существует» [1, с. 90].

Хуже «спеси англичан» стала для девушки «грубость американцев», у которых есть привычка лежать «на диване с ногами на столе» [1, с. 126]. Не подтвердились ее представления о французах как о деликатных и изящных людях. Встреченные во время путешествия француженки оглушительно тараторили, хохотали во все горло и отваливали себе двойные порции [1, с. 102].

Предпочтение во всех хороших гостиницах в Швейцарии отдавалось англичанам, из-за чего семья Тавы не могла снять себе номера, потому что, как она пишет, «мы – русские, даже не немцы, не французы, – так какое им до нас дело?» [1, с. 93]. Отношение, которое они почувствовали к себе, после пересечения границы, когда оказалось, что их плацкарты действительны только в России, но не имеют значения в Германии, усугубилось [1, с. 20].

«Свое» – «чужое» затрагивает и литературу. Начитанная, знакомая с творчеством Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Тава, говорит, что у «нас, у русских, есть свои классики, но и иностранные у нас в почете [1, с. 138]. Она может поддержать разговор о творчестве писателей другой культуры, но гордится своими писателями.

«Свое» для Тавочки – это и православная вера, как и для купчихи Анфисы Гавриловны, которая в Германии пожертвовала крупную сумму денег на строительство православного храма, как и для институтской наставницы Варвары Семеновны, для которой в Вене перед смертью вызывали православного священника из русского посольства. «Пока мы кочевали, я молилась без образа», – записывает девушка в дневник, «потому что боялась забыть его в отеле» [1, с. 60]. Но после того, как устроились на курорте, она «пришпилила свой образок над изголовьем», как в институте [1, с. 60]. Таким образом, она перенесла «свой» привычный мир в «чужое» окружение.

Но что побеждает в любом сравнении – это родная русская речь («Как приятно на чужбине услышать родную речь!» [1, с. 63]). После долгого путешествия, услышав опять на границе «нашу родную речь», девушка оживилась, и на вопрос носильщика «А что, барышня, в гостях хорошо, а дома лучше?», она искренне ответила: «Еще бы не лучше!» [1, с. 210].

Подводя итог, отметим, что в произведении, написанном в форме дневника, в котором фиксируются чувства, эмоции, впечатления, дихотомия «свой – чужой» выражается через восприятие пятнадцатилетней девушки, которая впервые отправляется в путешествие и выходит за границы привычного ей мира. Категория «чужой» вызывает у нее интерес и связанный с ним восторг, который в своем путевом днев-

нике она выражает, как правило, при помощи восклицательных предложений, но любовь к «своему» перевешивает интерес к неизвестному. Тавочка учится различать тонкости человеческих взаимоотношений, что помогает ей по-новому взглянуть на людей вокруг, включая свое окружение. Познание «чужого» позволяет ей лучше понять и себя, и тех, кто для нее является своим, и без кого прелести «чужой» жизни теряют смысл и интерес. Таким образом, её путешествие – это не просто первая поездка, но и жизненный опыт, и личные открытия.

Библиографические ссылки

1. *Авенариус В. П.* Первый вылет: Путевой дневник институтки. Санкт-Петербург : кн. маг. П. В. Луковникова, 1902.